

13 ВЕДЬМ

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Составитель Парфенов М. С.

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т67

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении обложки использована иллюстрация
Юлии Межовой

Составитель *Парфенов М. С.*

Т67 **13 ведьм:** сборник рассказов.— Москва: Изда-
тельство АСТ, 2017.— 509, [2] с.— (Самая страшная
книга).

ISBN 978-5-17-104419-0

13 авторов. 13 историй. 13 ведьм.

Сколько жив людской род — столько верит чело-
век в потустороннее. Верит — и боится. Дрожит от
страха перед тем, что за гранью. Страшится того,
чего не может объяснить и понять. Силы, которая
нашему разуму неподвластна.

Так было во времена стародавние, так бывает
ныне, так будет вовеки.

Но во все времена, в любую эпоху живут среди
нас те, кто держат в руках нити, связующие два
мира, по эту и по ту сторону.

Знахарки, колдуньи и экстрасенсы...

Ведьмы.

Ты боишься их? Зря...

Не боишься? Тебе же хуже!

© Авторы, текст, 2016

© М. С. Парфенов, составление, 2016

© Ю. Межова, обложка, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

13 признаков того, что вы ведьма (вместо предисловия)

В Средние века в просвещенной Европе (впрочем, не только тогда и не только на старом континенте) вас могли бы сжечь на костре, утопить или повесить за то, что вы якшаетесь с дьяволом, просто потому, что...

1. У вас рыжие волосы. Чем гуще и красивее волосы, тем больше шансов быть обвиненной в колдовстве. Впрочем, блондинку или брюнетку также могли назвать ведьмой.

2. У вас зеленые глаза... или просто взгляд «колдовской», тяжелый, обворожительный. В общем, если у вас в принципе ЕСТЬ глаза — вы уже, считай, наполовину ведьма.

3. Вы носите темную одежду? Этого достаточно. Похороны — чуть ли не шабаш колдуний замаскированный.

4. Вы любите кошек... Потому что кошки — колдовские создания, настоящие исчадия ада, а не животные.

5. Вы любите природу: леса, озера, животных. В старые недобрые времена любая знахарка рисковала, ведь не божеское это дело — ворожить, нашептывать, врачевать.

6. У вас на теле есть родинки или родимые пятна необычной формы. Это «клеймо дьявола», его надо выжечь... лучше всего вместе с вами.

7. В вашем доме не хватает порядка. Забыли убрать-ся на прошлой неделе? Тогда мы идем убирать ВАС.

8. Вы умны. Вы слишком умны для женщины... или для мужчины, ведь последних тоже могли обвинить в ведьмовстве. Сатана дает многие знания своим приспешницам и приспешникам...

9. Вы сексапильны. Бойтесь, потому что если вас будут хотеть, но не сумеют добиться, то в отместку за просто могут обвинить в колдовстве. К тому же один из способов «изобличить» ведьму — заняться с ней сексом.

10. Вы не любите, когда кто-то без спроса вторгается в ваше личное пространство: касается плеча, подходит сзади, кричит в ухо... Что, этого никто не любит?.. Инквизитора, позовите инквизитора!

11. Вы общительны, у вас много знакомых. Кстати, любой ваш знакомый тоже может быть обвинен в ведьмовстве, вы сами под пытками укажете на него.

12. Вы — стерва. Не всякая стерва — ведьма, но всякая ведьма — стерва.

13. У вас во владении есть земельный участок или хороший дом. В некоторых странах инквизиция или люди, «обнаружившие» ведьму, по закону получали в собственность имущество оной, после того как над ведьмой учиняли расправу. Стоит ли удивляться, что соседи то и дело обвиняли друг друга в колдовстве?..

Теперь, зная все это, мы понимаем, что любую или любого из нас можно назвать ведьмой. Как минимум, потенциал есть. В былые времена, чтобы скрепить нечестивый союз с дьяволом, вам бы пришлось поцеловать рогатого под хвост. В наши дни, как думают некоторые святоши, достаточно прочесть книгу «13 ведьм».

Приступим же.

Алексей Провоторов КОСТЯНОЙ

«Говорят, на Бартоломеевой Жижге, под болотом, лежит кость. Лежит и гудит. Старая кость, живая. Кто ее в теле носил, умер давно, а она все никак. Большая, сказывают, через все болото наискось.»

Кто ее услышит, спокойно спать не сможет до конца дней, а прислушаться надумает – с ума сойдет. Блаженный Бартоломей в тех краях поселился, чтобы смиренным и кротостью на позор выставить страхи перед костью, и год там отшельничал.

Когда же на следующую весну, как снег потаял, пошли люди навестить его, так он убил их и сожрал, и когда солдаты пришли и зарубили его, то нашли за жилищем его алтарь, а на алтаре кадавра, что он из костей складывал. Кости были человечески, но складывал он из них подобие звериное. Кадавр был больно страшен, солдаты порушили его и сожгли вместе с телом блаженного, а сами бежали оттуда.»

«Поверия Подесмы»

Поздняя осень рухнула на лес, придавила. За ночь последние листья облетели, как хлопья ржавчины. Палая листва подернулась инеем, бурьян на полянах тоже. Лес стоял мертвый и окостеневший, бесцветный, как пеплом присыпанный. Тревожно и мерно свистели птицы, утонувшее в пасмурном небе солнце едва светило сквозь ветви. Оно казалось размытым,

бесформенным, словно медленно растворялось в густых холодных тучах, подтекая водянистой розовой кровью.

Он как раз думал о том, мертва ли эта, в красном, или еще нет, и подбирал в памяти подходящий заговор, когда услышал далекий мычащий стон впереди:

– Ынннаааааа...

Звук разлегся в холодном воздухе, потерялся меж стволов. Как будто дурной гигант шлялся по лесу. По спине пошли мурашки. Неблизко, прикинул Лют, но глазом бы увидел, если б не дым, шиповник и густой терн. В этих зарослях Лют исцарапал уже всю куртку – к Бартоломеевой Жижке не вела ни одна дорога.

Хоть бы не сам Костяной. Вдруг чего.

Он остановился, не снимая руки с рукояти пистолета, и тут же дернулся от чьего-то прикосновения.

Это конь, которого он вел в поводу, механически сделал еще шаг, толкнул мордой в плечо и только тогда встал. Не ткнулся мягко, как обычно кони, а уперся, как в стену. Лют подозревал, что с конем что-то не так. Он или почти слеп, или очень туп.

– Хххххыыыыыннн...

Пока далеко. И вроде бы не движется. Может, просто зверь какой, подумал Лют. Болеет или что. Он отпустил деревянную рукоять, обернулся.

Конь, гнедой, старый, с седой мордой, смотрел куда-то сквозь лес. Поперек седла лежала девушка, накрытая серым Лютовым плащом. Из-под линиялой ткани торчал край алого платья. Лют подошел и, оглядываясь, поправил плащ так, чтоб красного стало не видно, но девушки не коснулся. Голова ее свешивалась с седла рядом с сумой и мечом, притороченным к луке. Белые волосы обгорели, бледные щеки

были перемазаны сажей. Она походила на мертвую. Или и правда умерла, пока они добирались. Он уже не мог отличить.

Лют много чего повидал за свои тридцать лет, но в такие места его занесло первый раз.

Близился вечер, собирался снег. Дым, повисший в ледяном воздухе, вливался в нутро с каждым неглубоким вдохом, душил, ел глаза. От него начала тупо и тошнотворно болеть голова.

Запах был мерзкий, страшноватый: как будто горела где-то там не листва, не дрова, а тряпки, волосы, кости. Отвратительный дух, как на площади после казни. Он много раз видел такое — костер, сдирающий плоть до костей, бескровная казнь, когда кипящая, варенная в жилах кровь за кровь не считалась.

Лют побаивался идти дальше. Не столько из-за стона, сколько из опасения выйти к пепелищу. Вдруг там не дом Буги, а обугленные брусья. От этих мыслей в руках поселилось какое-то невыносимое, безысходное ощущение, похожее на приступ сырой лихорадки. Он больше не знал, куда идти.

Лют выдохнул и двинул вперед, опасаясь, что конь откажется следовать за ним, но тот шагнул вслед, хоть и запоздало. Это был не Лютов конь — он принадлежал той, что лежала сейчас на его спине. Спешился Лют полчаса назад, когда лес пошел слишком густой.

Дальние деревья, белые тополя, казались призраками самих себя. Ягоды терна синели ярко в этом бесцветном лесу.

Начался уклон, видно, к болоту. Позади вдобавок к дыму стал собираться туман, и вскоре мир сузился, утонул в этом мареве, оставив лишь Люта, девушку и коня.

— Мыыыыыыхххх...— Тяжело, обморочно, страдальчески.

— В железном лесе, на каменном плесе,— завел Лют, выставив вперед мизинец и указательный палец,— на черном песке в белом сундуке сидит дева Маева, кто ей доброе слово скажет, того не тронь.— Голос Люта дрогнул, он сглотнул и продолжил: — Ни меня, ни коня, ни верного друга, я Маеву не лаял, не ругал, и меня чтоб никто не пугал, чур меня, чур меня.— Лют поискал глазами солнце, но легче не стало. Оно, казалось, и вправду кровоточило, в лес медленно сочилась грязно-розовая мгла. Голова кружилась, из раздраженных глаз текли слезы.— В железном лесе...

Лют понял, что слышит тихое, хрипящее дыхание где-то впереди. Он хотел вынуть пистолет и понял, что страшится убрать сложенные из пальцев рога. Он привык полагаться на лезвие или пулю, но только если это Костяной, зверина, то что ему до Лютова оружия?

— На каменном плесе...

— На черном песке, в проклятущем сундуке.— Это был не его голос, а чей-то еще, низкий и надтреснутый, и Лют поперхнулся от ужаса. Короткие волосы встали дыбом.

Тут что-то всхрипнуло прямо в полусотне шагов, порыв ветра отнес дым, и Лют обнаружил себя на открытом месте. Впереди, в низине, он увидел оголенный частоколом двор и каменный дом с заросшей крышей, но мельком: он смотрел не туда.

Под аркой деревьев, правее, шагах в десяти стояла дебелая старуха, и в закатных сумерках Лют сначала различил лишь силуэт, очертания, подумав с ужасом и облегчением одновременно: дошел.

— Каждый фетюх с заговором пнется. Небось и рога вперед выставил, падло.— Старуха добавила еще ругательство, и Лют понял, что старое поверье, будто колдуний можно отогнать бранью, врет.

— Я...

— Хлеб-то принес? — прогудела она надбитым колоколом.

— Принес,— ответил Лют. Он знал, с чего надо начинать разговор, когда ищешь такой помощи. Только опыта у него не было.

Она шагнула к нему, и он отступил на такой же шаг.

Лют слышал, как выглядит Буга, которую почитали ведьмой, знал все эти истории. Будто она убила свою мать, выпустила ей кровь при родах. Будто родилась с длинными черными волосами, которые так и не выпали.

Слышал, что при старом царе ее топили в реке, а она не тонула, и тогда ей на шею повязали жернов и руки взяли в колодки. Что рыбы отъели ей лицо, но самую большую она будто поймала зубами за хвост, и та таскала ведьму по реке, пока веревка на жернове не стерлась о дно, а колодки не осклизли настолько, что Буга смогла вытащить свои шестипалые руки.

Тогда она выбралась из реки и убила эту рыбу, а ее зубы забрала себе и хранила, а когда от старости ее собственные высypались, вставила себе рыбы.

Может, это была только страшная сказка, но у старухи не оказалось глаз. На изрытом, словно после тяжелой оспы, лице темнели два провала: веки были открыты, но глазные впадины пустовали. Жесткие седые ресницы обрамляли их, ниже собрались синопные морщинистые мешки, в углах век загустела желто-розовая сукровица, застекленевшие дорожки

ее блестели вдоль крыльев носа. Вся левая скула ее была голой до кости, нижняя губа, считай, отсутствовала, комковатая сизая полоска, оставшаяся от нее, не прикрывала полупрозрачных, острых рыбьих зубов и бледных десен ущербной, скошенной назад челюсти. Кончик длинного носа, серый и мертвый, шелушился, в обгрызенных ноздрях виднелись глянцево-красные сосуды. Седые, как дым, с моховой зеленцой волосы она откинула за спину. От старухи пахло псиной, дубовыми листьями и сушеным мясом.

— Что заткнулся? Знал, к кому шел?

— Держи хлеб.— Лют, как мог, взял себя в руки, расстегнул суму и отдал холщовый мешок с утренним, мягким еще караваем ведьме.

Его смущало, что он до сих пор не видел, кто там мычал в дыму. Стон пока прекратился, но во дворе, по ту сторону частокола, кто-то тихо болезненно дышал, Лют мог поклясться.

Пока старуха мяла и нюхала хлеб, как-то набок изгибая шею и тыкаясь в мешок слепым лицом, Лют огляделся.

До двора оставалось рукой подать, даже странно, что он не увидел его раньше. Морок, не иначе, подумал Лют и поежился.

В глубине круглого, огороженного кривым частоколом пространства стоял высокий каменный дом под замшелой круглой крышей. Над крыльцом на нее намело землю, там выросло рябиновое деревце, тянулось сломанной рукой к грязному небу. Через пальцы веток прядями тек дым — серый, густой, он не поднимался вверх, а струился из почерневшей каменной трубы вниз по горбу крыши. Лют никак не мог отвлечься от запаха жженой кости, к которому

примешивался теперь и противный сладкий дух гнили: на частоколе висели черепа: бараньи, кабаньи, конские,— но это не были белые чистые кости. Одни замшели, другие покрывала черно-зеленая слизь, бурая кровь, запекшаяся или засохшая.

Наверное, зачем-то так было надо.

— Чем топишь, хозяйка? — спросил Лют, морщась. Его уже мутило от запаха дыма, а осклизавшие на колах головы грозили совсем задушить.

Розовато-серое морщинистое нутро давно заживших глазных впадин чуть сжалось, словно Буга сощурилась.

— Все в ход идет,— сказала она, смерив его невидящим взглядом пустых глазниц. Он видел осевшую на голой скуле изморозь.

Лют выдохнул и задержал дыхание. Он боялся, что, если сейчас вдох с запахом дыма потревожит гортань, его стошнит прямо на хозяйкины башмаки.

Он опустил взгляд, чтобы не видеть дыр в ее лице, и с удивлением обнаружил, что Буга обута в железные латные сапоги.

— Не жарко?

— Я свои семь пар не сносила,— ровно, но с какой-то тоской ответила ведьма. Лют не стал ничего спрашивать.— Пошли.— Буга махнула иссушенной и вправду шестипалой рукой в перстнях и посемила ко двору

— Хлеб-то принимаешь?

— Еще что есть?

— Обижает. В сумах.

— Тогда принимаю. Во дворе поговорим.

Лют пошел следом, конь опять замешкался. Солнце садилось, короткий закат отгорал торопливо. Проявилась луна. С дыханием выходил пар. Зима стояла

совсем близко, казалось, подними голову — увидишь исполинский силуэт, белые косы. Взглянет — замерзнешь, дунет — заметет.

Буга отворила массивную визгливую калитку, и Лют вошел в ведьмин двор.

— Мьыыыррррр...

Из-под забора, с груди какого-то замшелого тряпья, звякнув цепью, поднялось черное существо. В первую секунду Лют принял это за человека, но, когда оно шагнуло в его сторону на четвереньках, он понял, что это крупный, ногастый черный пес. Тот помотал головой, просыпаясь, задышал хрипло.

Так это пес храпел, подумал Лют. Упаси боги.

— Сиди, скотина! — рявкнула ведьма.

Пес виновато опустил тупую короткую морду, повесил свалывшийся хвост и сел в тряпье, перевернув пустую, заросшую грязью миску. Лют не стал на него смотреть, лишь на секунду поймал взгляд, и что-то в этом взгляде ему сильно не понравилось.

Конь даже ухом на пса не повел.

Буга развернулась к нему.

— За чем пожаловал, людолов?

— Деваха одна дымом надышалась. Вытащить бы.— Лют хотел промолчать, но все же спросил: — Как угадала?

— Вас за версту слышно. Одежа кожаная, дубленая хорошо, чтоб не скрипела, кожа черненная, по запаху чую. Порох еще. И страх. Вроде оборужен, а боишься. Знаю я такой запах, и за мной приходили.

— За тобой? — удивился Лют.— На ваших же наши давно не охотятся, закон вышел. Последний ловчий по ведьмам был Барвин, да и тот пропал не помнишь когда.

— И Барвин, пес, заходил. Знала я его. А ты кем промышляешь?

— Ворье ловлю. Татей. Извергов людских.

— Что-то плохо ловишь. Маэв, Изуверка, еще не всех детей за три года у вас переела? Не слыхала, чтоб ее нашли да на кол посадили.

Лют закаменел лицом. Хотел что-то сказать, дернул углом рта и смолчал.

— Давай деваху, людолов. Погляжу.— Слепая ведьма усмехнулась.

Лют ослабил веревки, скинул плащ коню на шею и стащил девушку в красном с седла. Он мог бы поклясться, что она не дышала. И одежда, и кожа ее были холодны.

Ведьма подошла, принюхалась.

— Ты знаешь плату.

— Знаю. Плачу не я, платит она.

— А она согласна?

— Она сейчас, почитай, вещь, а значит, я за нее говорю.— Лют знал, как надо отвечать. Он умел читать и писать и за жизнь многому научился — работа обязывала. Но с ведьмой говорил впервые и колдовства раньше никогда не видел — только рассказы слышал. Пробирает страх.

— Ее не спросишь. Коли ты ответчик, с тебя помощь.

Лют замялся.

— Не бойся,— сказала ведьма, и ему стало как-то совсем не по себе.

— Все я сделаю сама. Ты только силой поможешь и на посылках побудешь. Принести, поддержать, разделать мясо.

— Ммясо? — Лют сделал шаг назад. Девушка на руках была неприятно тяжелой.

— Да не ее ж, дурак. Жертва нужна. Ты знаешь, чем платить, нет? — Буга начала злиться. — Не будешь помогать — проваливай!

— Помогу, если надо. Куда я денусь. — Люту не нравилось это обещание, но по-другому выполнить свою работу он не мог. — Я отдаю коня, так? И то, что ты попросишь от нее самой. Кровь, зубы, да?

Буга кивнула, продолжая нюхать воздух.

— Только сразу скажу — не язык, — попросил Лют. — Мне нужно спросить ее, и мне нужно, чтоб она ответила, когда я спрошу. Это правда, что... Если ее... вытянуть... то она не сможет врать какое-то время?

— А чего не язык? Пусть напишет, чего тебе надо, — остро осклабилась ведьма.

— Я не знаю, умеет она или как.

— Не бойся, не соврет. Если Костяной ее в лес не уволочит, если она глаза откроет, еще какое-то время будет не вся. Как блажная. Потому и врать не сможет — никто еще не мог. Потом, конечно, оклемают, но это кто через минуту, а кто через месяц.

Лют кивнул. Он начинал замерзать без движения. Темнело, пошел редкий снег, ему хотелось торопиться, действовать, только бы убраться отсюда поскорее, хоть среди ночи, хоть когда, хоть с девкой, свободной или в кандалах, хоть без.

— Мне язык и не нужен. Я забрала бы волосы, да чую палеными пахнет. Коротки небось? Я возьму глаз.

— Зачем тебе глаз? — спросил Лют. Хотел сказать еще, что тут везде палеными волосами несет, раз она ими, видно, топил, да прикусил язык.

— Вставлю себе и буду видеть хоть полдня. А пока буду видеть — позову коз диких, стадо-то мое волки повытаскали в этом году, сарай пустой стоит. Ну да

нет уже и тех волков, кончились.— Буга облизнула ошметки губы, словно вспоминая вкус.— А без глаза не помню я слова, как живого зверя приманивать.

— А если я прочитаю? — простодушно предложил Лют.

— Я те, падло, прочитаю! — прикрикнула ведьма.

— Глаз один?

— Один. Работа как раз на эту плату. Лишнего я не беру.

Буга обошла вокруг него, приняхалась. Руки уже затекли держать холодное тяжелое тело.

— Дым чую,— сказала ведьма. Лют возвел очи горé.— Смерть чую, навряд помогу. Конь плохой. Не деваха — давно женщина. И марена. Она в красном, да?

— Да,— ответил Лют.— Так все плохо?

— Тут, у частокола, не разберу, все смертью пахнет, да и дымом,— сказала Буга.

Ну да, подумал Лют, наконец-то дошло.

— Пошли в дом. Коня тогда... Управишь. Конь плохой.

— Вроде шел нормально.

— Шел, шел, дошел. Дальше ему не идти. А ты ступай за мной. Да не вздумай оружие в дом тащить! Чужого железа нельзя. Меч на седле оставь, никому он тут не нужен. А пистоль давай. Гляди-ка, вот в поленницу засуну.

Лют молча согласился. Даже перетерпел ведьмину лапу, пока она вслепую вынимала пистолет. Тот был заряжен, капсюль вставлен, для выстрела оставалось только взвести курок. И спустить его.

— Осторожно,— сказал Лют.

— Обучена,— огрызнулась Буга, засовывая оружие в дрова. Лют вздохнул.